

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-118-128

Интерпретация христианской категории терпения в романе М. Елизарова «Библиотекарь»

Оксана Анатольевна Колмакова

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Улан-Удэ, Россия

univer@bsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4873-181X>

Аннотация

Исследуется интерпретация христианской категории терпения в романе М. Елизарова «Библиотекарь». Обосновывается целесообразность включения текста в парадигму современного литературного мифотворчества, предполагающего культивирование авторского мифа во внетекстовой реальности. В качестве основной интенции елизаровского мифа в «Библиотекаре» рассматривается ревизия христианства посредством синтеза с коммунистической идеологией. Анализируются авторские стратегии обращения к христианскому вероучению – его ключевым категориям («терпение», «подвиг»), образам («Богородица», «Христос»), формам поведения («схима»). Выявляется, что в «Библиотекаре» христианский дискурс обнаруживает как каноническое понимание, совпадающее с трактовками святоотеческой традиции, так и индивидуально-авторское, определяемое художественными задачами писателя. Творя новую «христианско-советскую» легенду о библиотекаре Алексее Вязинцеве, М. Елизаров ведет активный диалог с массовым сознанием как потребителем современного мифа.

Ключевые слова

М. Елизаров, «Библиотекарь», христианство, терпение, миф, массовое сознание

Для цитирования

Колмакова О. А. Интерпретация христианской категории терпения в романе М. Елизарова «Библиотекарь» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 118–128. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-118-128

Interpreting the Christian Category of Patience in M. Elizarov's Novel "The Librarian"

Oksana A. Kolmakova

Dorzhi Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation

univer@bsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4873-181X>

Abstract

Purpose. The aim of the article is to investigate the author's interpretation of "patience" concept, other key categories and images of Christianity in M. Elizarov's novel "The Librarian".

Results. The plot of "The Librarian" is based on the myth "USSR, the golden age" and on the complex of Christian ideas. It is most productive to consider "The Librarian" within the framework of the myth-making tendency, when the author continues to cultivate a myth created in a fictional work in his interviews and journalism. The leading artistic task of the author is an attempt to update the Christian doctrine through a synthesis with communist ideology. In the

© Колмакова О. А., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 2: Филология. С. 118–128

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 118–128

novel, the patience category is endowed with both Christian meanings (“the consolation of the suffering”) and Soviet militaristic sense. M. Elizarov enters into a dialogue with the mass consciousness since it becomes the main consumer of any myth, including the myth created by the author of “The Librarian”. In the novel, the contexts of archaic myth, folklore and criminal subculture, the interest in which is typical for modern mass society, arise in the patience motive’s implementation. The author’s understanding of patience, that is close to the Christian canon, is found in Alexei Vyazintsev’s interpretation of the soteriological mission. The motive of the alone hero’s reading of “The Incessant Psalter” in an underground bunker appeals to schema practice. However, in reality, Elizarov creates an unconscious schema practice parody.

Conclusion. In M. Elizarov’s novel “The Librarian”, the ideas about the Christian feat of patience are passed through the prism of mass consciousness, that leads to literalization, simplification and emasculation of highly spiritual Christian meanings.

Keywords

Mikhail Elizarov, “The Librarian”, Christianity, patience, myth, mass consciousness

For citation

Kolmakova O. A. Interpreting the Christian Category of Patience in M. Elizarov’s Novel “The Librarian”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 2: Philology, pp. 118–128. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-2-118-128

Введение

Изучение христианского дискурса в художественном тексте является актуальной проблемой современного литературоведения (см., например: [Дунаев, 1996–2000; Есаулов, 2004; Кошемчук, 2009; Кантор, 2014]). Христианство традиционно осмысливается русскими писателями как метафора духовности, а Библия остается одним из важнейших «прецедентных текстов» русской культуры¹.

В современном культурном пространстве христианское вероучение существует как в своем каноническом понимании, так и в искаженном – как элемент современной мифологии, носителем которой выступает массовое сознание. Обращаясь к христианской образности, современные писатели, как правило, либо профанируют искаженное восприятие христианства, присущее массовому сознанию², либо возвращают христианским понятиям их подлинные смыслы³. Принципиально иные «взаимоотношения» автора с христианским вероучением обнаруживаются в романе М. Елизарова «Библиотекарь» (2007).

О роли христианской образности как элемента русской национальной культуры в «Библиотекаре» писал Б. А. Ханов [2015]. В данной статье роман М. Елизарова рассматривается как попытка обновления христианской доктрины. Предметом настоящего исследования является анализ художественных стратегий, посредством которых писатель осуществляет ревизию христианского вероучения в рамках творимого им авторского мифа.

Цель статьи состоит в изучении интерпретации понятия «терпение» и других ключевых категорий и образов христианства в романе М. Елизарова «Библиотекарь». Методология исследования базируется на принципах структурной семиотики, а также на теории мифа,

¹ Библия, безусловно, обладает такими дефинициями понятия «прецедентный текст», как «значимость текста в познавательном и эмоциональном отношении», его «сверхличностный характер» и «возобновляемость обращения» к нему [Караулов, 1987, с. 216].

² Например, герой рассказа Л. С. Петрушевской «Чудо» (1995) дядя Корнил – профанный Христос. Когда дядя Корнил «умершего одного еврея воскресил, Лазаря Моисеевича», дети «воскресшего» «претензию предъявили» – наследство они, оказывается, уже поделили. Увидев муки слепца, который «побирался с палочкой на вокзале», Корнил сказал: «Открой глаза и иди», но прозревший «начал ругаться, что теперь ему никто не подаст» [Петрушевская, 1996, с. 134].

³ Так, актуальная для массового сознания мифологема «Светопреставление», связанная с обывательским пониманием Апокалипсиса как всемирной катастрофы, подвергается демифологизации в одноименной повести И. Ю. Клеха, написанной в 2003 г. В финале произведения герой размышляет о грядущей встрече с уже ушедшими родными и близкими на семейной трапезе: «Вот не знаю только, что там мама приготовила нам всем на ужин» [Клеха, 2003, с. 98]. Возникший идиллический хронотоп соответствует духу христианского канона, рассматривающего Второе пришествие как событие радостное, желанное (сам Иоанн Богослов призывает Господа прийти скорее: «Ей, гряди, Господи Иисусе!») [Библия, 1995, с. 1346].

мифологического сознания и мифопоэтики, изложенной в работах Е. М. Мелетинского, А. Ф. Лосева, В. Я. Проппа.

Результаты исследования

Сюжет романа М. Елизарова строится вокруг судьбы заглавного героя, «библиотекаря» Алексея Вязинцева, чья рутинная жизнь меняется после встречи с тайными почитателями творчества забытого советского беллетриста Дмитрия Громова. Выясняется, что книги этого писателя обладали силой мистического преображения. Неофиту Вязинцеву открывают подлинные названия книг: повесть «Нарва» в действительности является «Книгой Радости», «Тихие травы» – «Книгой Памяти», «Дорогами труда» – «Книгой Ярости» и т. д. Чтение книг вызывает у героев состояние эйфории, что приводит к восприятию и переживанию советского прошлого как идеального.

«Громовцы» создали сообщества – «библиотеки» и «читальни», ведущие друг с другом кровопролитные битвы за обладание книгами. Особенно выделяются два клана – «мужской», организованный интеллигентами и заключенными (клан Лагудова-Шульги), и «женский», основной костяк которого составили обитатели и персонал дома престарелых – клан Моховой.

После прочтения «Книги смысла» Вязинцев постигает сакральное назначение всего громовского наследия – быть охранительным «Покровом советской Богородицы» над страной.

Краткий пересказ романа позволяет увидеть в основе его сюжета миф об эпохе СССР как о «золотом веке», подкрепленный комплексом христианских представлений. Создавая роман о маргиналах постсоветского общества, привычных «выносить», «переносить», «нуждаться», «страдать», «ожидать», «смиряться», т. е. «терпеть» (см.: [Даль, 2004, с. 638]), М. Елизаров особое внимание уделяет одному из центральных в христианском вероучении понятий – терпению. «Добродетель терпения органически, неразрывно связана со всеми другими христианскими добродетелями и всем строем духовной жизни христианина», – отмечает известный богослов XX столетия Гермоген Шиманский [2015, с. 6]. Рассмотрим подробнее функционирование категории терпения в художественном целом романа «Библиотекарь».

Для адекватной интерпретации романа принципиально важно определить, является ли миф одним из средств реализации авторского замысла или целью писателя становится создание собственного мифа. В первом случае можно говорить о методе «магического историзма», который, как отмечает А. Эткинд, «представляет прошлое не просто как “другую страну”, но как страну экзотическую и неразведанную, так и оставшуюся беременной нерожденными альтернативами и неперемненными чудесами» [Липовецкий, Эткинд, 2008, с. 175]. Таким «чудом» в романе Елизарова определенно является «громовское семикнижие».

Если рассматривать текст «Библиотекаря» в рамках «магического историзма», то за мифологическими конструкциями в романе должны стоять авторские метафоры, формирующие интеллектуальный слой смыслов произведения. Однако, разрабатывая сквозной для мировой культуры сюжет власти книги, М. Елизаров, на наш взгляд, не поднимается до уровня метафорических обобщений на тему «взаимоотношений» текста и читателя, текста и культуры. Писатель акцентирует внимание лишь на двух моментах, сопровождающих в романе процесс чтения: на мистике и на физиологии. Чтение обретает в романе статус мистического события посредством двух мотивов из реестра выделенных В. Я. Проппом «функций сюжета» волшебной сказки – «запрета» (чтобы книга «подействовала», нельзя нарушать «Условия Непрерывности и Тщания») и «трансфигурации» (читатель преображается).

Особенно физиологично описано преображение старух. Вязинцев с омерзением наблюдает «обратную трансфигурацию» Полины Горн. Когда кончилось действие «Книги Силы», Горн из грозной воительницы превращается в «ветхое существо»: «вылезли наружу крючковатый шелушащийся нос, непропорционально большие дряблые уши. На усохшем лобике

и щеках налились гречневым пигментом родимые пятна и многочисленные старческие бородки» [Елизаров, 2019, с. 395–396] ⁴.

Не столь гротескно, но не менее физиологично описывается воздействие книг на других героев. Например: «Лагудова захлестнула такая сокрушающая нежность к той приснившейся жизни, что он <...> оцепенел от всепоглощающего чувства светлого и чистого умиления» (с. 14). Шульга пережил «душевную трансформацию»: «его ум вдруг наполнился пульсирующим ощущением собственной значимости» (с. 27). Лицо Тимофея Степановича осветила «странная эмоция <...> В этом мимическом сиянии была смесь неброского, светлого восторга и гордой надежды» (с. 200–201).

С одной стороны, физиологичность описанных переживаний маркирует восприятие советского текста как мифа, который для героев, носителей мифологического сознания, становится «максимально интенсивной и в величайшей мере напряженной реальностью» [Лосев, 2014, с. 37]. С другой стороны, физиологическая яркость переживаний персонажа апеллирует к личному опыту реального читателя – вызывает у него состояние ностальгии по «советскому». Очевидной авторской интенцией в романе становится эмоциональная включенность читателя в текст, тогда как восприятие текста «магического историзма» требует от читателя интеллектуальной работы, связанной с расшифровкой «неочевидных смыслов».

На наш взгляд, рассмотрение «Библиотекаря» в рамках альтернативной «магическому историзму» мифотворческой тенденции является более продуктивным. Художественные тексты современной мифотворческой парадигмы О. Лебедушкина определяет как «мифы, создаваемые и пересоздаваемые абсолютно всерьез со всеми старомодными теургическими замашками» [Лебедушкина, 2006, с. 195] ⁵.

В «Библиотекаре» обращает на себя внимание отсутствие авторской иронии, игровой пародийности ⁶. Приведем одну цитату: «Последний раз Громова напечатали в семьдесят седьмом году, а потом в редакциях сменились люди <...> Громов отовсюду получал вежливые отказы. Государство, празднуя грядущее самоубийство, высиживало бесноватую литературу разрушителей» (с. 11). Оппозиция «бесноватая литература – Громов» создает ореол «божественного» вокруг личности и творчества Громова, что важно для развития сюжета. И вместе с тем в приведенной цитате отчетливо слышится голос самого Михаила Елизарова, сожалеющего об утрате современной литературой созидательного начала.

В «Библиотекаре» нет «двойного агента» (О. Лебедушкина), возникающего, когда автор дистанцирован от своего героя. У Елизарова дистанция между автором и героем минимальна: Алексея Вязинцева можно считать авторским Alter Ego ⁷. Елизаров делегирует герою «священное» для любого писателя право письма – в финале выясняется, что роман представляет собой рукопись Вязинцева в шести общих тетрадах. Желая дистанцироваться от своего героя, писатель вряд ли стал бы наделять его такими явными автобиографическими чертами, как специфическая национальность («русский украинец») и возраст (на момент разворачивающихся событий 2000-го года Вязинцеву 27 лет – столько же, сколько было в это время автору).

⁴ Далее текст романа цитируется по данному изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.

⁵ К данной парадигме могут быть отнесены романы Ю. Мамлеева «Блуждающее время» (2001), В. Сорокина «Путь Бро» (2004), Л. Петрушевской «Номер Один, или В садах других возможностей» (2004), П. Крусанова «Американская дырка» (2005) и др.

⁶ Следует сказать, что авторская ирония в романе присутствует, но реализуется она не на уровне идейного содержания текста, а лишь в пределах отдельной фразы (к примеру: «зрачки Горн вспыхнули оранжевым мартеновским пламенем», «дачный участок с поросычьим домиком а-ля Ниф-Ниф», «бабки из пригорода везли на продажу огородные излишки», «на перекладинах, похожие на исхудавших висельников, болтались сотни костюмов» и др.).

⁷ Примечательно, что в романе «Pasternak» (2003), также весьма своеобразно реализующем авторское понимание христианства, М. Елизаров, не скрывая своих симпатий по отношению к паре Льнов – Цыбашев, создает более ощутимую, чем в «Библиотекаре», дистанцию между автором и героями – за счет обращения к интертекстуально-игровой поэтике.

Наконец, «пафосный и духоподъемный финал романа» [Кутейникова, Оробий, 2016, с. 154] вполне соответствует риторической приподнятости публицистических выступлений Елизарова на тему советского прошлого. Приведем финальные строки «Библиотекаря»: «В непроглядной бездне потолка вдруг зажегся вселенский планетарий, звездный покров космической вечности <...> Если свободна Родина, неприкосновенны ее рубежи, значит, библиотекарь Алексей Вязинцев стойко несет свою вахту в подземном бункере, неустанно прядет нить защитного Покрова, простертого над страной» (с. 472–473). А вот реплика писателя Михаила Елизарова, опубликованная в газете «Завтра»: «...то, что пришло после Советского Союза оказалось настолько омерзительным, что тусклая в детстве дата <7 ноября> превратилась в фантастически яркую, ностальгическую звезду. И улетев с планеты СССР, максимально приближаясь к новой планете, нынешней РФ, я мог обращаться к Советскому Союзу именно из этой точки. 7 ноября стало днём покаяния»⁸. Корреляция очевидна.

Как видим, созданный в «Библиотекаре» сотериологический миф об СССР М. Елизаров выводит за пределы текста романа. Критики и литературоведы не раз приводили примеры публицистических высказываний Елизарова, в которых он выступает с апологией советского. При этом незамеченным остается другое высказывание писателя, которое можно считать квинтэссенцией авторского замысла «Библиотекаря»: «Я бы хотел, чтобы православная церковь стала, если угодно, коммунистической»⁹. По нашему мнению, одной из ведущих художественных задач, поставленных автором «Библиотекаря», является попытка обновления христианского вероучения за счет его синтеза с коммунистической идеологией, в связи с чем М. Елизаров весьма своеобразно интерпретирует христианский текст и одно из его центральных понятий – терпение.

У М. Елизарова «Книга Терпения» «Серебряный плес» занимает среди творений Громова значимое место: «Эта Книга дарила любому страждущему ощущение великого утешения и примирения с жизнью» (с. 18). Герои неоднократно подчеркивают особую ценность «Книги Терпения». Например: «Лагудову повезло – кроме имеющихся уже Книг Памяти и Радости, нашлась довольно редкая и ценная Книга Терпения “Серебряный плес”. Действуя как морфий, Книга намертво удерживала в библиотеке всех страждущих» (с. 21); «– Ну, и слава Богу, – перекрестился Марат Андреевич, – уже легче. – Он ободряюще подмигнул: – Книга Терпения. Живем, Алексей» (с. 176); «Павлики снова сделали полноценной библиотекой с общим числом до восьмидесяти читателей. И кроме прочего, у них были Книга Ярости и Книга Терпения – незаменимые бойцовские Книги» (с. 225).

Приведенные фрагменты показывают, что в романе христианские смыслы терпения как «утешения страждущих» соседствуют с элементами советской милитаристской пропаганды – «бойцовская книга»¹⁰. Отметим, что милитаристская проблематика является одной из ведущих в романе. Критики даже упрекали Елизарова за излишне детализированное описание сцен кровавых сражений между «громовцами»¹¹. Однако милитаристскую символику Елизаров извлекает и из самого христианского текста, помещая в центр авторской мифологии «Библиотекаря» богородичный сюжет, в интерпретации которого писатель следует апокрифу о Пресвятой Деве, укрывшей христиан своим мафорием¹². Воспроизводимое Вязинцевым

⁸ Елизаров М. Аврора. Годовщина Октябрьской революции // Завтра. 2014. 7 нояб. URL: https://zavtra.ru/word_of_day/oktyabr-2 (дата обращения 13.04.2021).

⁹ Там же.

¹⁰ Основа советской идеологии как идеологии любого тоталитарного государства – милитаристский дискурс, который не только закрепился на уровне сценариев поведения советских граждан («Готов к Трудю и Обороне», «пионерская дружина», «смотр октябрятских войск» и т. д.), но и прочно проник в русский язык («техника вышла из строя», «фронтальный опрос учащихся», «битва за урожай», «дела на личном фронте» и др.).

¹¹ «Автор, кажется, получает удовольствие, описывая, как лопаты рассекают лица, лезвия погружаются в живот, кистень дробит голову, топор сокращает челюсть, – чего нельзя сказать о нормальном читателе» [Латынина, 2009, с. 169].

¹² См.: Житие и деяния святого отца нашего Андрея, Юродивого Христа ради. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/zhitie-andreja-yurodivogo/ (дата обращения 15.04.2021).

«громовское семикнижие» должно стать новым «защитным мафорием» России «от врагов видимых и невидимых».

На наш взгляд, выбор богородичного сюжета у Елизарова не случаен. В провозвестнике соцреализма – романе «Мать» А. М. Горького – именно образ Богородицы освятил дело русской революции и заложил идею о христианстве как о надежном «субстрате» для новой советской идеологии. Горький прямо соотносит главного героя романа, социалиста Павла Власова, с образом Христа¹³, и читателю не составляет труда установить корреляцию между образом матери Павла, Пелагеи Ниловны, и Богородицы¹⁴.

Совмещая «советский» и «христианский» коды, М. Елизаров опирается на заданную М. Горьким парадигму родства советской идеологии по отношению к христианскому вероучению. Соотносимость ведущих советских мифологем и христианских концептов очевидна: «Отец народа» / «Бог-отец», «Ленин» / «Святой» (чьи «мощи» нетленны), «Светлое будущее» / «Царство Небесное» и т. п. В данный ряд Елизаров вносит собственные тождества: «советская массовая песня – псалмы», «палехская роспись – иконопись», «начитанные книги – намоленные иконы», стремясь придать создаваемому им мифу высокодуховную символику христианских смыслов.

Однако в интерпретации богородичного сюжета Елизаров, напротив, уходит от его символического содержания о духовном покровительстве Богоматери всему христианскому миру и актуализирует буквальный смысл, связанный с мотивом защиты от конкретного врага. В легенде о Покрове врагом являются османские турки, угрожавшие в IX–X вв. византийским христианам. У Елизарова этот враг – «янки с надменными брезгливыми лицами» (с. 318), чьи милитаристские намерения относительно России подробно описываются на двух страницах романа. И если в эпоху СССР врагом государственности выступал весь капиталистический мир, то в постсоветской России массовое сознание персонифицировало абстрактного врага в конкретном образе – США.

М. Елизаров вступает в диалог с массовым сознанием, поскольку именно оно становится основным потребителем любого мифа, в том числе и того, который творится автором «Библиотекаря». Укорененность мифологической ментальности в массовом сознании отмечал еще Е. М. Мелетинский: «... мифологический способ концепирования связан с определенным типом мышления, которое специфично для первобытного мышления в целом и для некоторых уровней сознания, в особенности массового, во все времена» [2000, с. 5–6]. Стержневые христианские смыслы терпения искажаются под влиянием представлений о терпении, присущих таким элементам массового сознания, как архаических миф и фольклор, а также криминальной субкультуре, интерес к которой характерен для современного массового общества.

Авторское понимание терпения, близкое к христианскому канону, обнаруживается в трактовке сотериологической миссии Алексея Вязинцева. Христианин, принявший на себя обет терпения, «подлинно умер миру и греху» [Шиманский, 2015, с. 11]. То же «отпадение от мира» происходит и с Вязинцевым: «Я старался поменьше вспоминать о родных» (с. 471). Терпящий лишения христианин должен изгнать из своего сердца обиду и смущение. И у Вязинцева сердце наполняется благодатью «Союза Небесного». Искренние пронзительные слова песни «Этот большой мир» на стихи Р. Рождественского трогают героя. Осознав необходимость своего «служения», Вязинцев впервые обнаруживает в себе душу и, растроганный песней, прощается со своей прежней жизнью: «Что-то родное <...> повернулось юным лицом

¹³ Приведем наиболее показательные цитаты: «– Надо, Павел, веру новую придумать... надо сотворить бога – друга людям!»; «– Не поверят люди голому слову, – страдать надо, в крови омыть слово»; «– Вам бы вступиться за Павла-то! – воскликнула мать, вставая. – Ведь он ради всех пошел», «...он понял божью правду и открыто сеял ее» [Горький, 1979, с. 51, 60, 62, 246].

¹⁴ Примечательно, что у Горького также присутствует мотив радостного тайного чтения, но в отличие от героев Елизарова горьковские персонажи испытывают радость от смысла почитанного: «... когда они читали в газетах о рабочем народе за границей <...> глаза у всех блестели радостью, все становились странно, как-то по-детски счастливы» [Горький, 1979, с. 32].

и взмахнуло на прощание рукой. В глазах остывали счастливые теплые слезы» (с. 473). Работа терпения есть работа души. Иисус Христос говорил ученикам: «...терпением вашим спасайте души ваши» [Библия, 1995, с. 1119]. Приступая к своему поприщу, Вязинцев демонстрирует зачатки покаяния. В нем пробуждается голос совести: «Мне вдруг стали сниться убитые мной люди» (с. 471). Святые отцы утверждают, что терпение «является краеугольным камнем <...> покаяния» [Шиманский, 2015, с. 108].

Раскрывая читателям своих тетрадей сущность «сокровенного семикнижия», Вязинцев обращается к образной речи: «Страна надежно укрыта незримым куполом <...> возводят его незыблемые опоры – добрая Память, гордое Терпение, сердечная Радость, могучая Сила, священная Власть, благородная Ярость и великий Замысел» (с. 319). В этом ряду особенно примечательны два тропа: «благородная Ярость» и «гордое Терпение». Остановимся на них подробнее.

Подлинно христианское терпение состоит «в безропотном, охотном и великодушном перенесении жизненных трудностей» [Шиманский, 2015, с. 9]. Вязинцева же принуждают к служению: автор сталкивает героя с «системой» в образе клана Моховой. В сюжете противостояния личности и тоталитарной структуры концепт «духовная борьба» обретает у Елизарова милитаристскую трактовку – отсюда и «ярость благородная», что противоречит христианскому пониманию борьбы. Богословы разъясняют: «в нашей христианской духовной брани <...> тот побеждает, когда гонимый терпит, обидимый не мстит, злословимый благословляет» [Там же, с. 55].

В словосочетании «гордое терпение» эпитет «гордое» искажает определяемое христианское понятие, синонимами которого являются «кротость», «смирение»: «...и смирение, и кротость, и воздержание, и всякая другая добродетель – всё, по выражению Тертуллиана, “образуется в школе терпения”» [Там же, с. 15]. Гордость же в христианском вероучении выступает как антоним терпения: «...духом смирения, кротости и терпения побеждается дух гордости» [Там же, с. 54–55]. Понятия «ярость благородная» и «гордое терпение» насыщены советской риторикой, которая разрушает христианские смыслы. Подлинного смирения Вязинцев не испытывает, тогда как настоящий христианин стремится умалиться, дабы потом, в жизни вечной, возвыситься: «последние <...> будут первыми» [Библия, 1995, с. 1107].

Для русского человека советской эпохи паремии о терпении не потеряли своей актуальности: «Стерпится – слюбится», «Терпение и труд всё перетрут», «Господь терпел и нам велел», «Терпи, казак, – атаманом будешь». Последний афоризм, придуманный Н. В. Гоголем в повести «Тарас Бульба» и ставший достоянием русского фольклора, напрямую обыгрывается в романе Елизарова в обряде «инициации» Моховой: «...ритуал удочерения <...> был не особенно приятен и гигиеничен, с точки зрения Моховой, но Горн уговорила её потерпеть. Каждая старуха мазнула Мохову по лицу своими влагалищными выделениями, как бы символизируя этим, что Мохова появилась на свет через её утробу» (с. 44)¹⁵.

Пройдя инициацию, Мохова получает статус «дочи», а старухи – ее «мамок». Использование криминально-блатного жаргона маркирует дом престарелых как пространство тюрьмы, что коррелирует с мотивом насильственного удержания Вязинцева в подземном бункере. Контекст криминальной субкультуры возникает в романе в истории клана Шульги, состоявшего из обитателей «социального дна». В иерархии «громовцев» образовалось свое «социальное дно». Немаловажно, что для названия его представителей автор употребляет понятие «терпила» в адекватном тюремному жаргону и абсолютно прозрачном для современного массового сознания значении – ‘жертва, потерпевший’ [Словарь..., 1992, с. 243]. «Читателей с малыми доходами расселяли в любые библиотеки, где имелись вакансии <...> Многие отказывались от переезда и переходили в разряд очередников, “терпил”. Сломленные люди, как

¹⁵ Обряд инициации, где объект должен «перетерпеть» / «вынести» испытания, является сквозным мотивом романа. Мохова прошла инициацию как «доча», «посвящения во внуки» ожидал Вязинцев, прошел инициацию и сам Громов, «вынужденный левша», потерявший на фронте правую руку (мотив отрубания правой руки в волшебной сказке характеризуется В. Я. Проппом как «типичный элемент при посвящении» [Пропп, 1986, с. 212]).

правило, опускались и ожесточались» (с. 64). Судьба Вязинцева напоминает участь такого «терпилы».

Мотив чтения героем «Неусыпаемой Псалтири» в подземном бункере, в одиночестве, апеллирует к одной из центральных форм христианской героики – схимничеству, но в действительности оборачивается неосознанной пародией на него. Вязинцев как монах-схимник читает для всех, находящихся в миру, и чтение его помогает мирянам ничуть не меньше, чем доброе деяние. Однако добровольное принятие схимы молодым здоровым человеком для массового сознания выглядело бы абсурдным поступком, поэтому Вязинцев у Елизарова заточен в бункер силой. Вместо смиренномудрия герой испытывает «гордое терпение», потому что человеку массы трудно понять, что «без смирения все, даже величайшие, подвиги не только не полезны, но могут и вовсе погубить человека» [Никон (Воробьев), 1997, с. 262]. Стремясь в очередной раз совместить «христианское» и «советское», Елизаров называет чтение Вязинцева «трудовой вахтой», чем лишает деятельность героя статуса духовного трудничества.

«Терпением течем на предлежащий нам подвиг», – говорит апостол [Библия, 1995, с. 1322]. В образе Вязинцева, принесшего себя в жертву «народу», улавливается и архетип Христа, главного христианского подвигоположника. Однако рефлексия Вязинцева о грядущем подвиге становится саморазоблачением героя. Сначала Вязинцев сравнивает свое поприще с детской романтической мечтой о смерти во имя родины в окружении «самодовольных врагов»: «...щеки пылали жаром мученического пламени той, еще не разорвавшейся гранаты» (с. 470). Далее герой и вовсе называет свое служение «облегченным вариантом подвига» только потому, что теперь «умирать не нужно». Заметим, что страх смерти – один из самых сильных для современного массового сознания, культивирующего вечную молодость и гедонизм. Настоящий же христианин, подлинно верующий человек, не боится смерти, твердо зная, что обретет Царство Небесное¹⁶.

«Смерть не властна над ним, потому что она меньше его трудового подвига», – торжественно констатируется в легенде об Алексее Вязинцеве. Примечательно, что в одной из своих ранних новелл под названием «Район назывался Панфиловкой...» (1999) Елизаров демонстрирует прямо противоположное отношение к идеологеме «трудовой подвиг». Смысловым наполнением понятия «трудовой подвиг» становится не реальный опыт рабочего человека, а фикция: сюжеты историй «работяги» дяди Васи «во многом напоминали виденные ранее фильмы о комсомольских стройках, о дружбе и взаимовыручке» [Елизаров, 2011, с. 296]. Апогеем деструкции идеологемы «трудовой подвиг» и авторского глумления над ней становится поговорка: «Куда, куда – в ж...пу труда».

В «Библиотекаре» же нет и намек на иронию, а тем более насмешки над понятием «трудовой подвиг». Напротив, по отношению к этой идеологеме ощутим очевидный авторский пиетет. «Этот чтец <...> несет свою вахту на просторах мироздания. Вечен его труд. Несокрушима оберегаемая страна» (с. 320).

Заключение

Алексея Вязинцева можно назвать не христианским, а «новым русским страстотерпцем». На первый взгляд, эклектика смыслового наполнения категории терпения в «Библиотекаре»

¹⁶ В данном контексте небезынтересно обратиться к одному эпизоду из фильма «Остров» (2006, реж. П. Лунгин). Отец Анатолий закрывает дверь кочегарки на замок и намеренно устраивает задымление этого небольшого помещения. Его гость отец Филарет начинает задыхаться и в панике мечется по кочегарке. Анатолий срывает замок и выпускает Филарета наружу. Придя в себя, Филарет обращается к Анатолию: «А главное – показал ты, что веры во мне мало. Я ведь по-настоящему испугался: “Ой, уморит он меня в своей кочегарке, ой, уморит!” Смерти испугался, маловерный. Не готов, значит, я к встрече с Господом нашим». «Не готов» здесь означает «не достоин».

создана общей «идеологической невнятицей» романа¹⁷. Однако подобная эклектика органически присуща массовому сознанию, к которому апеллирует и от имени которого выступает автор.

В романе М. Елизарова представления о христианском подвиге терпения пропущены сквозь призму массового сознания, что приводит к буквализации, упрощению и выхолащиванию высокодуховных христианских смыслов. Автобиографизм, форма дневникового повествования, а также личная позиция писателя, представленная им в публицистических выступлениях, позволяют считать Вязинцева авторским персонажем, а самого автора – ярким представителем духовной элиты современного массового общества, породившего очередные «модные тренды». «Один из них – левый миф об СССР, возвращение к романтике коммунизма <...> Другой – православный фундаментализм» [Латынина, 2009, с. 173].

Список литературы

- Библия: Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Библейские общества, 1995. 1376 с.
- Горький М.** Собр. соч.: В 16 т. / Сост. и общ. ред. Н. Н. Жегалова. М.: Правда, 1979. Т. 4. 400 с.
- Даль В. И.** Терпеть // Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля / Сост. Н. В. Шахматова и др. СПб.: Весь, 2004. 735 с.
- Дунаев М. М.** Православие и русская литература: В 6 ч. М.: Христианская литература, 1996–2000.
- Елизаров М.** Библиотекарь: Роман. М.: АСТ, 2019. 476 с.
- Елизаров М.** Ногти: Повести и рассказы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2011. 496 с.
- Есаулов И. А.** Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
- Кантор В. К.** Русская классика, или Бытие России. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 600 с.
- Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
- Кошемчук Т. А.** Русская литература в православном контексте. СПб.: Наука, 2009. 278 с.
- Кутейникова Н. Е., Оробий С. П.** Формирование читательской компетенции школьника. Детско-подростковая литература XXI века: Учеб. пособие для общеобразоват. организаций. М.: Просвещение, 2016. 220 с.
- Клех И.** Светопреобразование: Повесть // Октябрь. 2003. № 5. С. 55–98.
- Латынина А.** Случай Елизарова // Новый мир. 2009. № 4. С. 165–173.
- Лебедушкина О.** Про людей и нелюдей // Дружба народов. 2006. № 1. С. 190–198.
- Липовецкий М., Эткинд А.** Возвращение тритона: советская катастрофа и постсоветский роман // НЛЮ. 2008. № 6. С. 174–206.
- Лосев А. Ф.** Диалектика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 320 с.
- Мелетинский Е. М.** От мифа к литературе: Курс лекций «История мифа и историческая поэтика». М.: РГГУ, 2000. 170 с.
- Никон (Воробьев), иг.** Нам оставлено покаяние: Письма. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 1997. 432 с.
- Петрушевская Л. С.** Собр. соч.: В 5 т. Харьков: Фолио; М.: ТКО АСТ, 1996. Т. 2. 367 с.
- Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 379 с.
- Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авт.-сост. Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. М.: Края Москвы, 1992. 526 с.

¹⁷ Юзефович Г. Товарищ лауреат: Обладателем Букеровской премии стал безработный // Частный корреспондент. 2008. 4 дек. URL: <http://www.chaskor.ru/p.php?id=1580> (дата обращения: 13.04.2021).

- Ханов Б. А.** Своеобразие функционирования советского дискурса в романе М. Ю. Елизарова «Библиотекарь» // Учен. зап. Казан. ун-та. 2015. Т. 157, кн. 2. Гуманитарные науки. С. 229–238.
- Шиманский Г.** Христианская добродетель терпения. СПб.: Об-во памяти игуменьи Таисии, 2015. 112 с.

References

- Bibliya: Knigi Svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta [Bible: Books of the Old and the New Covenant]. Moscow, Bibleiskie obshchestva Publ., 1995, 1376 p. (in Russ.)
- Dal V. I.** Terpet' [To endure]. In: *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka V. I. Dal'ya* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. Comp. by N. V. Shakhmatova et al. St. Petersburg, Ves' Publ., 2004, 735 p. (in Russ.)
- Dunaev M. M.** Pravoslavie i russkaya literatura [Orthodoxy and Russian Literature]. In 6 vols. Moscow, Khristianskaya literatura Publ., 1996–2000. (in Russ.)
- Elizarov M.** Bibliotekar' [The Librarian]. Moscow, AST Publ., 2019, 476 p. (in Russ.)
- Elizarov M.** Nogti [Fingernails]. Moscow, Ad Marginem Press, 2011, 496 p. (in Russ.)
- Esaulov I. A.** Paskhal'nost' russkoi slovesnosti [Easter type in Russian literature]. Moscow, Krug Publ., 2004, 560 p. (in Russ.)
- Gorky M.** Complete Works. In 16 vols. Moscow, Pravda Publ., 1979, vol. 4, 400 p. (in Russ.)
- Kantor V. K.** Russkaya klassika, ili Bytie Rossii [Russian Classics, or Genesis of Russia]. Moscow; St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives; Universitetskaya kniga Publ., 2014, 600 p. (in Russ.)
- Karaulov Yu. N.** Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. Moscow, Nauka, 1987, 261 p. (in Russ.)
- Khanov B. A.** Svoeobrazie funktsionirovaniya sovetskogo diskursa v romane M. Yu. Elizarova "Bibliotekar'" [The peculiarity of the Soviet discourse functioning in the novel by M. Yu. Elizarov "The Librarian"]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta [Scientific notes of Kazan University]*, 2015, vol. 157, iss. 2: Gumanitarnye nauki [Humanitarian sciences], pp. 229–238. (in Russ.)
- Klekh I.** Svetoprestavlenie [The Doomsday]. *Oktyabr' [October]*, 2003, no. 5, pp. 55–98. (in Russ.)
- Koshemchuk T. A.** Russkaya literatura v pravoslavnom kontekste [Russian Literature in the Orthodox Context]. St. Petersburg, Nauka, 2009, 278 p. (in Russ.)
- Kuteinikova N. E., Oroby S. P.** Formirovanie chitatel'skoi kompetentsii shkol'nika. Detsko-podrostkovaya literatura XXI veka [Formation of the student's reading competence. Children's and adolescent literature of the 21st century]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2016, 220 p. (in Russ.)
- Latynina A.** Sluchai Elizarova [The Elizarov's case]. *Novyi mir [New world]*, 2009, no. 4, pp. 165–173. (in Russ.)
- Lebedushkina O.** Pro lyudei i nelyudei [About people and non-people]. *Druzhiba narodov [Friendship of Peoples]*, 2006, no. 1, pp. 190–198. (in Russ.)
- Lipovetsky M., Etkind A.** Vozvrashchenie tritona: Sovetskaya katastrofa i postsovetskii roman [The Return of the Newt: The Soviet Catastrophe and the Post-Soviet Novel]. *Novoe literaturnoe obozrenie [New literary review]*, 2008, no. 6, pp. 174–206. (in Russ.)
- Losev A. F.** Dialektika mifa [Dialectic of myth]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2014, 320 p. (in Russ.)
- Meletinsky E. M.** Ot mifa k literature: Kurs lektsii "Istoriya mifa i istoricheskaya poetika" [From myth to literature: Course of lectures "History of myth and historical poetics"]. Moscow, RSHU Publ., 2000, 170 p. (in Russ.)
- Nikon (Vorob'ev), abbot.** Nam ostavleno pokayanie: Pis'ma [Repentance Left to Us: Letters]. Moscow, Sretensky monastyr' Publ., 1997, 432 p. (in Russ.)

- Petrushevskaya L. S.** Complete Works. In 5 vols. Kharkov, Folio Publ.; Moscow, AST Publ., 1996, vol. 2, 367 p. (in Russ.)
- Propp V. Ya.** Istoricheskie korni volshebnoi skazki [The historical roots of the fairy tale]. Leningrad, LSU Press, 1986, 379 p. (in Russ.)
- Slovar' tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona (rechevoi i graficheskii portret sovetskoi tyur'my) [Dictionary of criminal jargon (speech and graphic portrait of a Soviet prison)]. Comp. by D. S. Baldaev, V. K. Belko, I. M. Isupov. Moscow, Kraya Moskvyy Publ., 1992, 526 p. (in Russ.)
- Shimansky G.** Khristianskaya dobrodetel' terpeniya [The Christian virtue of patience]. St. Petersburg, Obshchestvo pamyati igumen'i Taisii Publ., 2015, 112 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Оксана Анатольевна Колмакова, доктор филологических наук

Information about the Author

Oksana A. Kolmakova, Doctor of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 19.07.2021;
одобрена после рецензирования 23.11.2021; принята к публикации 30.11.2021
The article was submitted 19.07.2021;
approved after reviewing 23.11.2021; accepted for publication 30.11.2021*